

Vol.

QUENTIN TARANTINO

**ONCE UPON A TIME
IN HOLLYWOOD**

A Novel

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

**ОДНАЖДЫ
В ГОЛЛИВУДЕ**

Роман

Перевод с английского
Сергея Карпова
и Алексея Поляринова

Individuum

УДК 821.11

ББК 84(7Сое)-44

T19

Напечатано с разрешения
литературного агентства Andrew Nurnberg

Тарантино, Квентин.

T19 Однажды в Голливуде : роман, сценарий, комикс / Квентин Тарантино ; [пер. с английского С. А. Карпова, А. В. Поляринова]. — Москва : Individuum, 2024. — 480 с.: ил. — (Vol.)

ISBN 978-5-6048295-1-6

Литературный дебют Квентина Тарантино — одновременно изысканный и брутальный, уморительно смешной и таящий в себе множество сюрпризов (порой пугающих!) роман, основанный на событиях одноименного оскароносного фильма.

Новое издание «Однажды в Голливуде» дополнено сценарием сериала, в котором снимался Рик Далтон, комиксом о его похождениях с Клиффом Бутом и другими радующими сердце и глаз материалами из вселенной Тарантино.

УДК 821.11

ББК 84(7Сое)-44

Copyright © Quentin Tarantino, 2021

© Paul Mann, HarperCollins Publishers, обложка 2021

© L. Driver Productions, Inc., 2021

Комикс: © Writer: Andrew Secunda. Artist: Tom Richmond.

MAD and all related titles, logos, and characters are

© and ™ E.C. Publications. All rights reserved.

Once Upon a Time in Hollywood © 2019 Visiona Romantica, Inc.

 individuum Vol.

ISBN 978-5-6048295-1-6

© С. Карпов, А. Поляринов, перевод, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

Книга посвящается

Моей жене
ДАНИЭЛЕ

и моему сыну
ЛЕО

Спасибо за счастливый дом,
где так хорошо пишется

А ТАКЖЕ

Всем старожилам из числа актеров, что поделились со мной
потрясающими историями о Голливуде того времени

Благодаря им вы держите
эту книгу в руках.

Брюс Дерн * Дэвид Кэрредин * Берт Рейнольдс
Роберт Блейк * Майкл Паркс * Роберт Форстер
и в особенности
Курт Рассел

1

«Просто Марвин»

На столе Марвина Шварца звонит «Диктафон». Палец агента «Уильям Моррис» нажимает на рычажок.

— Это насчет десяти тридцати, мисс Химмельстин?

— Так точно, мистер Шварц, — доносится из крохотного динамика голос секретарши. — Мистер Далтон ожидает в приемной. Вы готовы?

Марвин вновь нажимает на рычажок.

— Всегда готов, мисс Химмельстин.

Дверь в кабинет открывается, и первой заходит молодая секретарша, мисс Химмельстин. Это двадцатиоднолетняя девушка хиппарских убеждений. На ней белая юбка, подчеркивающая длинные загорелые ноги, на плечах лежат каштановые волосы двумя косичками, как у Покахонтас. Следом за ней заходят сорокадвухлетний красавец актер Рик Далтон и его модный блестящий влажный темно-русый помпадур.

Марвин поднимается с кресла, его улыбка становится все шире. Мисс Химмельстин хочет их представить, но Марвин ее одергивает:

— Мисс Химмельстин, я только что закончил гребаный киномарафон Рика Далтона, нет никакого смысла мне его представлять. — Марвин подходит и протягивает руку актеру-ковбою. — Дай лапу, Рик!

Рик улыбается и начинает энергично трясти руку агента.

— Рик Далтон. Спасибо большое, мистер Шворц, что нашли на меня время.

— *Шварц*, не Шворц, — поправляет его Марвин.

«*Господи Иисусе, я уже облажался*», — думает Рик.

— Вот же ж мать твою... простите, бога ради... *МИСТЕР Ш-ВАРЦ*.

— Просто Марвин, — говорит Шварц, встряхивая руку Далтона в последний раз.

— Марвин, просто Рик.

— Рик...

Они заканчивают рукопожатие.

— Не желаешь выпить чего-нибудь? Мисс Химмельстин принесет.

Рик отмахивается от предложения:

— Нет, я в порядке.

Марвин настаивает:

— Уверен, совсем ничего? Кофе, «Кола», «Пепси», «Симба»?

— Ладно, может быть, чашку кофе.

— Хорошо. — Хлопнув актера по плечу, Марвин поворачивается к верной помощнице. — Мисс Химмельстин, будьте так любезны, принесите моему другу Рику чашку кофе, да и мне заодно.

Девушка кивает и идет к выходу. Когда она уже закрывает дверь, Марвин кричит вслед:

— А, и, ради бога, только не поганый «Максвелл Хаус» из комнаты отдыха! Зайдите к Рексу, у него всегда лучший кофе; только не берите эту турецкую хрень.

— Да, сэр, — отвечает мисс Химмельстин, затем смотрит на Рика. — Какой кофе предпочитаете, мистер Далтон?

Рик поворачивается к ней.

— Вы разве не в курсе? «Черный — это красиво»*.

Гогот Марвина похож на звук автомобильного клаксона, мисс Химмельстин хихикает и прикрывает рот ладонью. Не успевает секретарша закрыть дверь, Марвин кричит:

— А, и еще, мисс Химмельстин, если только мои жена и дети не погибнут в автокатастрофе, меня не беспокоить. Хотя, знаете, если жена и дети мертвы — что ж, они и через полчаса будут мертвы, — так что даже в этом случае не беспокоить.

Агент жестом приглашает актера сесть на один из двух кожаных диванов, стоящих друг напротив друга со стеклянным столиком между ними, и Рик устраивается поудобнее.

— Для начала, — говорит агент, — моя жена, Мэри Элис Шварц, передавала тебе привет! Прошлой ночью мы устроили в своем просмотровом зале двойной сеанс Рика Далтона.

— Ого. Я польщен и смущен одновременно, — говорит Рик. — Что смотрели?

— «Таннера» и «Четырнадцать кулаков Маккласки» на пленке.

— А, ну эти два из удачных, — говорит Рик. — «Маккласки» снял Пол Уэндкос. Из всех моих режиссеров этот — мой самый любимый. Он снял «Гиджет», где я должен был играть. Мою роль получил Томми Лофлин. — Тут Рик великодушно отмахивается от воспоминания. — Но все окей, мне нравится Томми. Благодаря ему я получил свою первую роль в театре.

---

* «Черный — это красиво» (англ. «Black is Beautiful») — политический лозунг движения за равноправие в шестидесятых. — *Прим. пер.*

— Серьезно? И много ты играл в театре?

— Не очень. Мне быстро надоедает раз за разом повторять одну и ту же херню.

— Так значит, Пол Уэндкос — твой любимый режиссер, а? — спрашивает Марвин.

— Ага, я у него начинал. Играл в его «Битве за Коралловое море» с Клиффом Робертсоном. Весь чертов фильм мы с Томми Лофлином маринуемся в подлодке на втором плане.

Марвин делает свое очередное фирменное заявление об индустрии:

— Пол, мать его, Уэндкос. *Недооцененный мастер боевиков.*

— Абсолютно согласен, — говорит Рик. — И, когда я попал в «Закон охоты», он подключился к проекту и срежиссировал где-то семь-восемь серий. Итак, — продолжает Рик, напрашиваясь на комплимент, — я надеюсь, двойной сеанс Рика Далтона не был слишком мучительным для вас с женой?

Марвин смеется.

— Мучительным? Перестань. Прекрасно, прекрасно, прекрасно. Значит, с Мэри Элис мы смотрели «Таннера». Ей не нравится, что в наши дни в кино так много насилия, поэтому «Мак-класки» я приберег напоследок, чтоб глянуть одному, когда она пойдет спать.

Раздается едва слышный стук в дверь, и в кабинет входит мисс Химмельстин в мини-юбке, с двумя чашками дымящегося кофе для Рика и Марвина. Она осторожно ставит горячие напитки перед джентльменами.

— Это ведь из кабинета Рекса?

— Рекс сказал, вы должны ему сигару.

Агент фыркает.

— Ох уж этот прижимистый жидяра. Хороший пинок под зад — вот что я ему должен.

Все смеются.

— Спасибо, мисс Химмельстин, можете быть свободны.

Она выходит, оставляя мужчин наедине обсуждать индустрию развлечений, карьеру Рика Далтона и — самое главное — его будущее.

— На чем я остановился? — спрашивает Марвин. — Ах да, насилие в современном кино. Мэри Элис очень его не любит. Но она обожает вестерны. Всегда любила. Пока я за ней ухаживал, мы только вестерны и смотрели. Смотреть вестерны — одно из наших самых любимых занятий, и «Таннер» доставил нам кучу удовольствия.

— Ой, это так приятно, — говорит Рик.

— Так-то всякий раз, когда мы устраиваем двойные сеансы, Мэри Элис засыпает у меня на коленях примерно за три катушки до конца первого фильма. Но на «Таннере» она уснула перед самой последней катушкой, а это было аж в девять тридцать — для Мэри Элис весьма неплохой результат.

Пока Марвин объясняет Риду зрительские привычки счастливой семейной пары, Рик делает первый глоток горячего кофе.

«Эй, а вкусно, — думает актер. — У этого самого Рекса правда лучший кофе».

— Фильм кончается, она идет спать, — продолжает Марвин. — Я открываю коробку гаванских, наливаю себе коньяка и смотрю второй фильм в одиночестве.

Рик делает еще глоток восхитительного кофе Рекса.

Марвин показывает на чашку.

— Отлично, а?

— Что? — спрашивает Рик. — Кофе?

— Нет, пастрами. Ну конечно кофе, — говорит Марвин с катскиллской* подачей.

---

* Катскиллские горы — область курортов, популярных среди американских евреев и прозванных Боршковым поясом. В середине XX века здесь активно развивался шоу-бизнес, а в местных гостиницах дебютировало множество еврейских звезд комедии, поэтому название гор стало нарицательным. — *Прим. пер.*

— Просто охренеть как вкусно, — соглашается Рик. — Где он его берет?

— В какой-то гастрономической лавке здесь, в Беверли-Хиллз, но не признаётся в какой, — отвечает Марвин, затем снова возвращается к зрительским привычкам Мэри Элис: — Этим утром после завтрака, когда я отправился в офис, механик Грег вернулся и поставил последнюю катушку, чтобы она досмотрела. Вот так мы обычно и смотрим кино. Нам так очень нравится. И ей очень хотелось узнать, чем закончится «Таннер».

Затем Марвин добавляет:

— Хотя она уже давно догадалась, что ты грохнешь своего батю Ральфа Микера.

— Ну да, в этом проблема фильма, — говорит Рик. — Убийство властного патриарха — это не вопрос «если», это вопрос «когда». И то же самое с моей смертью от рук моего ранимого брата Майкла Каллэна — не «если», а «когда».

Марвин соглашается:

— Это правда. Но мы с ней сошлись во мнении, что вы с Ральфом Микером — очень хороший дуэт.

— Да, согласен, — отвечает Рик. — Из нас и впрямь вышел хороший тандем сына и отца. Это ебучий Майкл Каллэн выглядит так, словно его усыновили. Но, глядя на меня, зритель верит, что Ральф — правда мой батя.

— Ну, у вас двоих очень похожий говор, вот почему вы так хорошо сыгрались.

Рик смеется:

— Особенно в сравнении с ебучим Майклом Каллэном, который звучит так, что ему самое место на серферской доске в Малибу.

«Окей, — думает Марвин, — это уже второй раз, когда Рик унижает своего партнера из „Таннера“. Плохой знак. Говорит о малодушии. И о привычке валить вину на окружающих». Но эти мысли Марвин держит при себе.

— По-моему, Ральф Микер — талантище, — говорит Рик агенту. — Лучший, черт возьми, актер из всех, с кем я когда-либо работал, а я работал с Эдвардом Г. Робинсоном! Еще он был в двух лучших сериях «Закона охоты».

Марвин продолжает вспоминать двойной сеанс Рика Далтона:

— И тут уместно сказать про «Четырнадцать кулаков Маккласки»! Что за фильм! Сплошное веселье. — Он изображает стрельбу из пулемета. — Стрельба! Убийства! Сколько нацистских ублюдков ты положил за фильм? Сто? Сто пятьдесят?

Рик смеется:

— Я не считал, но сто пятьдесят похоже на правду.

Марвин ругается себе под нос:

— Гребаные нацистские ублюдки... Ты же сам работал с огнеметом, а?

— Ну а кто ж, блин, еще, — говорит Рик. — И это абсолютно ебанутая пушка, на прицеле которой оказаться не захочется, уж поверьте мне на слово. Я тренировался с этим драконом по три часа каждый день на протяжении двух недель. Не только чтобы хорошо выглядеть в кадре, но и потому, что, не буду скрывать, я его сам до усрачки боялся.

— Невероятно. — Агент впечатлен.

— Знаете, то, что я получил роль, — это же чистая удача, — говорит Рик. — Изначально ее дали Фабиану. Затем за восемь дней до старта он сломал плечо на съемках «Виргинца». Мистер Уэндкос вспомнил обо мне и уговорил начальство в «Коламбии» взять меня в аренду у «Юниверсал» на съемки «Маккласки». — Эту историю Рик заканчивает своей стандартной репликой: — По контракту с «Юниверсал» я снялся в пяти фильмах. И какой самый успешный? Тот, ради которого меня одолжили «Коламбии».

Из внутреннего кармана пиджака Марвин достает золотой портсигар, открывает его со звуком «*дзинь*». Предлагает Рик.

— Как относишься к «Кенту»?

Рик берет сигарету.

— Как тебе мой портсигар?

— Очень красивый.

— Подарок. От Джозефа Коттена. Один из самых дорогих моему сердцу клиентов.

Рик реагирует именно так, как ожидает агент, — изображает, что очень впечатлен.

— Недавно я выбил ему роли в картинах Серджио Корбуччи и Исиро Хонды, и портсигар — это знак признательности.

Рику эти имена ни о чем не говорят.

Пока мистер Шварц убирает золотой портсигар обратно во внутренний карман, Рик быстро достает из кармана джинсов зажигалку. Щелчком открывает крышку серебряной «Зиппо» и зажигает обе сигареты жестом крутого парня. Прикурив, по-щегоольски громко защелкивает крышку «Зиппо». Наблюдая за этой бравадой, Марвин посмеивается, затем вдыхает никотин.

— Что куришь? — спрашивает он Рика.

— «Кэпитол Дабл-ю Лайтс», — говорит Рик. — Но еще «Честерфилд», «Рэд Эпл» и — только не смейтесь — «Вирджинию Слимс»*.

Марвин все равно смеется.

— Эй, мне нравится вкус, — защищается Рик.

— Я смеюсь над тем, что ты куришь «Рэд Эпл», — поясняет Марвин. — Эти сигареты — грех против никотина.

— Они были спонсором «Закона охоты», вот я и привык. Кроме того, мне казалось, это будет умно — курить их на публике.

— Очень мудро, — говорит Марвин. — Что ж, Рик, обычно твой агент — Сид. И он попросил меня встретиться с тобой.

---

* Бренд сигарет, запущенный в 1968 году специально для курящих женщин. Первым рекламным слоганом «Вирджинии Слимс» был «Ты долго к этому шла, детка» (англ. «You've come a long way, baby»). — Прим. ред.

Рик кивает.

— Ты знаешь, почему он хотел, чтобы мы встретились?

— Чтобы узнать, не захотите ли вы со мной поработать? —

отвечает Рик.

Марвин смеется.

— Что ж, в конечном счете да. Но я о другом: ты ведь знаешь, чем я занимаюсь тут, в «Уильям Моррис»?

— Да, — говорит Рик. — Вы агент.

— Да, но у тебя уже есть агент Сид. Если бы я был *просто* агентом, ты бы тут не сидел, — говорит Марвин.

— Да, вы особенный агент.

— И еще какой, — говорит Марвин. Затем указывает на Рика дымящейся сигаретой: — Но я хочу, чтобы *ты* сказал *мне*, что же во мне такого особенного.

— Ну, — говорит Рик, — мне так объяснили, что вы при-
страиваете известных американских актеров в иностранные
фильмы.

— Неплохо, — говорит Марвин.

Теперь, проговорив главное, джентльмены глубоко затягиваются «Кентом». Марвин выдыхает длинную струю дыма и заводит свою шарманку:

— Теперь, Рик, если мы хотим поладить, главное, что ты должен узнать обо мне, — это что для меня *ничего...* я серьезно, *ничего* нет важнее, чем список клиентов. Причина, почему у меня есть завязки в итальянской киноиндустрии, и в немецкой киноиндустрии, и в японской киноиндустрии, и в филиппинской киноиндустрии, — это клиенты, которых я представляю, и то, что представляет собой мой список клиентов. В отличие от прочих, я не имею дел с теми, кто *вышел в тираж*. Я занимаюсь только *королями Голливуда*. Ван Джонсон — Джозеф Коттен — Фарли Грейнджер — Расс Тэмблин — Мел Феррер.

Каждое имя агент произносит так, словно их лица высечены на голливудской горе Рашмор.

— Короли Голливуда с фильмографиями, приправленными вечной классикой!

Агент приводит легендарный пример:

— Когда пьяный Ли Марвин потерял роль полковника Мортимера в «На несколько долларов больше», за три недели до начала съемок, — это я потащил жирную задницу Серджио Леоне в отель «Спортсменс Лодж»* выпить чашечку кофе с недавно протрезвевшим Ли Ван Клифом.

Агент делает паузу, чтобы значимость истории заполнила собою всю комнату. Затем, беззаботно затянувшись «Кентом», выдыхает дым и произносит еще одно из своих фирменных заявлений об индустрии:

— Остальное, как говорится, уже *мифология вестерна*.

Марвин, прищурившись, смотрит на актера-ковбоя по ту сторону стеклянного столика.

— Знаешь, Рик, «Закон охоты» — хороший сериал, и ты в нем был хорош. Многие приезжают сюда и обретают славу, занимаясь херней. Спроси хоть Гарднера Маккэя.

Рик смеется над шпилькой в адрес Гарднера Маккэя. Марвин продолжает:

— Но «Закон охоты» был вполне приличным ковбойским сериалом. Этого не отнять, и ты имеешь полное право им гордиться. Но, говоря о будущем... хотя, прежде чем перейдем к будущему, давай еще немножко истории.

Пока они курят, Марвин начинает забрасывать Рика вопросами, как если бы тот оказался в телевикторине или на допросе в ФБР:

— Значит, «Закон охоты» — это у нас «Эн-би-си», верно?

---

* Легендарный отель в долине Сан-Фернандо, основанный в 1880-е годы, задолго до появления Голливуда. Начиная с тридцатых стал чрезвычайно популярным местом отдыха голливудских звезд: здесь проводили переговоры, устраивали вечеринки и званые ужины, а еще рыбачили на причале — артисты так часто ловили форель, что руководству отеля приходилось завозить ее из соседних городов. — *Прим. ред.*

— Угу. «Эн-би-си».

— Сколько?

— Сколько — что?

— Сколько шел сериал?

— Ну, серии были получасовые, так что двадцать три минуты с перерывами на рекламу.

— И как долго длился?

— Мы начали осенью в сезон 1959–1960 годов.

— И когда тебя сняли с эфира?

— В середине сезона 1963–1964-го.

— В цвете выходили?

— Нет.

— Как получил роль? Пришел с улицы или продюсер позвал?

— Я снялся в серии «Историй Уэллс-Фарго». Играл Джесси Джеймса.

— И этим привлек их внимание?

— Да. Пробы все равно понадобилось пройти. И охуенно постараться. Но да.

— Расскажи подробнее о фильмах, в которых снимался после сериала.

— Ну, сначала было «Восстание команчей», с очень старым и очень стремным Робертом Тейлором в главной роли. Но теперь это лейтмотив почти всех моих фильмов. Старик в паре с молодым. Я и Роберт Тейлор. Я и Стюарт Грейнджер. Я и Гленн Форд. Не бывало такого, чтобы я играл *сам по себе*, — разочарованно говорит актер. — Всегда я — и какой-нибудь старый хрыч.

— Кто снял «Восстание команчей»? — спрашивает Марвин.

— Бад Спрингстин.

— В твоём резюме, — говорит Марвин, — я заметил, что ты работал с нехилым количеством старых ковбойских режиссеров из студии «Репаблик Пикчерс»: Спрингстином, Уильямом Уитни, Хармоном Джонсом, Джоном Инглишем?

Рик смеется:

— Ремесленники. — Затем поясняет: — Но Бад Спрингстин был не просто ремесленник. Бад не из тех, кто *просто* сделал дело и пошел. Бад другой.

Замечание вызывает у Марвина интерес.

— В каком смысле «другой»?

— М-м?

— Чем Бад отличался от остальных ремесленников? — спрашивает Марвин. — В каком смысле «другой»?

Рику не приходится задумываться над ответом, потому что он для себя всё понял еще много лет назад, когда снимался в «Вертолетах» с Крэйгом Хиллом — и с Бадом в режиссерском кресле.

— У Бада было столько же времени, сколько и у всех остальных чертовых режиссеров, — авторитетно заявляет Рик. — Ни дня, ни часа, ни одного заката форы перед другими. Но вот что Бад *успевал* за это время — уже другой разговор, — искренне добавляет Рик. — Любой гордился тем, что работает с Бадом.

Марвину нравится ответ.

— А мою карьеру запустил чертов Дикий Билл Уитни, — говорит Рик. — Благодаря ему я получил свою первую настоящую роль. Ну, знаешь, персонажа, у которого есть имя. А потом и первую главную роль.

— В каком фильме? — спрашивает Марвин.

— А, да просто очередная поделка от «Репаблик» о малолетних преступниках, гоняющих на хот-родах, — говорит Рик.

— Как называлась?

— «Гонки без тормозов», — говорит Рик. — А в прошлом году я сыграл в его гребаном «Тарзане» с Роном Эли.

Марвин смеется.

— То есть вас двоих многое связывает?

— Меня и Билла? Не то слово.

Рик ударяется в воспоминания, замечает, что они вызывают интерес, и поэтому продолжает:

— Дайте-ка я расскажу вам про чертового Билла Уитни. Вот кто самый недооцененный режиссер боевиков в этом чертовом городе. Билл Уитни не просто снимал боевики — он *придумал*, как их снимать. Ты сказал, что любишь вестерны, — помнишь сцену в гребаном «Дилижансе» Джона Форда, где Якима Канутт прыгает с одной лошади на другую, а потом падает прямо под копыта?

Марвин кивает: да.

— Уильям, *мать его*, Уитни снял это, *мать его*, первым, *причем* за год до Джона Форда, *причем* с Якимой Кануттом!

— Я и не знал, — говорит Марвин. — В каком фильме?

— Он еще даже в полном метре не работал, — говорит Рик. — Снимал сцену для какого-то сраного сериала. Давайте я расскажу, что это такое — сниматься у Уильяма Уитни. Билл Уитни всегда исходит из предположения, что сцену дракой не испортишь.

Марвин смеется.

— И вот, значит, снимаюсь я в «Речной лодке», — продолжает Рик, — Билл — в режиссерском кресле. В кадре — мы с Бертом Рейнольдсом. И, значит, мы с Бертом играем, идем через диалог. И Билл такой: «Стоп, стоп, стоп! Вы, парни, в сон меня вгоняете. Берт, когда он скажет эту свою реплику, просто дай ему в морду. А ты, Рик, когда он даст тебе в морду, ты разозлишься и тоже дашь ему в морду. Ясно? Отлично, поехали!» Так мы и сделали. И когда закончили, он орет: «Стоп! Вот оно, парни, вот это я понимаю — сцена!»

Оба смеются в клубах сигаретного дыма. Марвин начинает проникаться голливудским опытом Рика, заработанным потом и кровью.

— Ты упомянул о фильме Стюарта Грейнджера, расскажи-ка о нем, — просит Марвин.

— «Крупная дичь», — говорит Рик. — Говно про великого африканского белого охотника. С него выходили даже в самолетах.

Марвин гогочет.

— Стюарт Грейнджер — самый большой мудоеб из всех, с кем приходилось работать. А ведь я работал с Джеком Лордом!

Оба смеются над шуткой про Джека Лорда, затем Марвин спрашивает актера:

— Ты ведь еще у Джорджа Кьюкора снимался, так?

— Угу, — говорит Рик, — то был не фильм, а херня из-под коня под названием «Доклад Чепмена». Прекрасный режиссер, кошмарная картина.

— Удалось поладить с Кьюкором?

— Шутите? Да Джордж меня обожает! — Рик чуть подается вперед над журнальным столиком и, понизив голос, говорит вкрадчиво: — В смысле, прям *обожает*.

Агент улыбается, давая понять, что понял намек.

— Мне кажется, у Джорджа есть такой заскок, — размышляет вслух Рик. — В каждый свой фильм он берет молодого мальчика, чтобы по нему сохнуть. В «Докладе Чепмена» играли я и Ефрем Цимбалист — младший, так что, видать, я победил.

Он приводит пример:

— У меня там, значит, все сцены с Глинис Джонс. И мы идем в бассейн. Глинис в закрытом купальнике. Видно только ноги да руки, остальное прикрыто. Но я — я в самых крохотных плавочках, какие только цензуру пройдут. И они телесного цвета. На черно-белой пленке выглядит так, будто я, блядь, голый! И ладно бы я в кадре просто прыгал в бассейн. Я в этих крохотных плавках десять гребаных минут экранного времени участвую в длинных разговорных сценах, пока у меня жопа торчит наружу. В смысле, какого хера, я что, Бетти Грэйбл?

Они снова смеются, и Марвин достает небольшой кожаный блокнот из внутреннего кармана пиджака — не из того, где лежит подаренный Джозефом Коттенем золотой портсигар.